

УДК 316.624-053.6
ББК 60.542.15
М 69

А.П. Михайлов,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79618288200, email: alexandr01.87@mail.ru

И.В. Подпорин,

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки Краснодарского университета МВД РФ, г. Краснодар, тел.: +79183994979, email: podporiniv@mail.ru

СУБКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ КАК ФАКТОР РИСКОГЕННОСТИ В СРЕДЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье автор анализирует факторы, обуславливающие процесс криминализации современной российской молодежи. В качестве особой детерминанты в работе выделяется факт утраты прежнего влияния доминирующей культуры и значительная активизация различных субкультурных течений, легитимирующих, в свою очередь, те или иные формы противоправного поведения молодых россиян.

Ключевые слова: девиантность, делинквентность, легитимация, маргинальность, рискогенность, субкультура.

A.P. Mikhaylov,

Doctor of Sociology, Professor, Professor of Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79618288200, email: alexandr01.87@mail.ru

I.V. Podporin,

Candidate of Pedagogical Sciences, Deputy Chief of Department of Tactical and Special Training, Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, ph.: +79183994979, email: podporiniv@mail.ru

SUBCULTURAL DIVERSITY AS A RISK-PRODUCING FACTOR IN THE ENVIRONMENT OF RUSSIAN CONTEMPORARY YOUNG PEOPLE

Abstract. In this paper, the authors analyze the factors contributing to modern specifics of dynamics of criminalization among contemporary young people of Russia. As a special determinant, the work focuses on loss of former influence of the dominating culture and considerable activation of various subcultural currents, in turn, legitimating these or those forms of illegal behavior of young Russians.

Keywords: Deviance, delinquency, legitimation, marginality, risk-producing factor, subculture.

Современный российский социум, с определенной периодичностью актуализируя проблемы предупреждения и пресечения противоправных проявлений в среде молодежи, все регулярнее прилагает усилия по активизации научного поиска, направленного на исследование очевидных и латентных причин развития различных форм данного общественного феномена.

Правовые девиации являются неотъемлемой характеристикой любых социальных систем, они выражают неустрашимое до сего дня архетипичное противоречие между «общественным благом», как оно зафиксировано в праве, и личным интересом, понимание которого индивидуально и ситуационно [1; 160].

Либерализация и ослабление традиционных механизмов институциональной регуляции, отказ от унифицированных образцов формирования поведения молодого поколения посредством целенаправленного воздействия на него методами воспитания и, напротив, усиление спонтанности в освоении молодежью социальной действительности заметно повлияли на изменение механизма правовой социализации молодежи [2; 137-144].

Не требует специального обоснования то обстоятельство, что наибольшее внимание общества сегодня обращено на совершение правонарушений именно несовершеннолетними и представителями молодежи как особой категории, определяющей будущее любого государственного образования.

Следует отметить, что проблема подростковой и молодежной правонарушаемости, как объект многочисленных, и в том числе – междисциплинарных, научных исследований, имеет многолетнюю историю развития. Данная историческая ретроспектива, бесспорно, обеспечивает накопление существенного объема гуманитарных знаний в данной предметной области.

Методологической основой исследования явились диалектический, логический и системно-аналитический методы познания. Для достижения поставленных целей всесторонне использовались социокультурный, системно-структурный и системно-функциональный методы, а также конкретные социологические методы: анкетирование, интервью, методика анализа социальных фактов и явлений, контент-анализ материалов СМИ.

Методологическую основу данного исследования сформировали труды, созданные такими представителями классической социологии, как П. Бурдьё, М. Вебер, Э. Фромм, Н. Элиас и др., исследовавшими факторы возникновения субкультур как таковых. Также следует отметить работы Э. Дюркгейма, Р. Мертона и Т. Парсонса, разработавших научные теории проблем детерминации различных форм отклоняющегося поведения.

В свою очередь, современное общество в процессе научного и практического исследования детерминирующих факторов воспроизводства девиантных и делинквентных практик в среде молодежи, как правило, в основном анализирует социальные и экономические явления как наиболее значимые категории, оказывающие влияние на процесс криминализации настоящей демографической группы россиян.

Вместе с тем ряд ученых справедливо акцентируют внимание на наблюдающейся приоритетности культурных и ценностных значений в оценке показателей девиации молодого поколения, обуславливающих процессы легитимации форм асоциального поведения в ментальности современной российской молодежи (Р.Ю. Александров, Е.Г. Багреева, Г.С. Денисова, Ю.А. Зубок, И.М. Мацкевич и др.) [3; 150-154].

Обращение к оценке значения ценностей в процессе общественного развития прослеживалось не

только в отечественных гуманитарных исследованиях. Так, известный американский ученый Т. Парсонс рассматривал ценности как составные компоненты социальной системы, соответственно, определяя их как общепринятые представления о желательном типе общества. Он писал: «Следует отметить, что качественное содержание системы культурных ценностей, в свою очередь, трансформируется под воздействием условий социальной среды, определяющей так называемые «культурные универсалии» [4; 113].

Одной из наиболее влиятельных научных концепций на поле социологической науки, объединяющей несколько подходов к проблеме молодежной девиантности, является концепция, увязывающая развитие рисков в молодежной среде с деструкцией основополагающих постулатов правовой культуры социума. Данная деструкция, в свою очередь, провоцирует возрастание нигилистического отношения не только к праву как к таковому, но и к основным праворегулирующим институтам (Э. Дюркгейм, Р.К. Мертон, Т. Парсонс, Ю.Г. Волков, В.И. Добренев, Ю.А. Зубок и др.) [5; 137].

Объем знаний, посвященный теоретическому осмыслению наиболее значимых источников формирования уровня правовой культуры, определяет возможность их систематизации на две группы, где первая содержит сведения об объеме определенных знаний, приобретаемых индивидом под влиянием социализирующего воздействия, подразумевая и процесс образования в различные возрастные периоды. По мнению многих ученых, объем данных знаний явно недостаточен с учетом современных угроз и рисков и требует значительного качественного переосмысления (Е.В. Вартамян, Г.С. Денисова, Я.В. Зубова, И.А. Петрулевич и др.).

Вторая группа содержит объем не только приобретенного, но

и накопленного опыта взаимодействия с главными правовыми и правозащитными институтами, обеспечивающими не только саму безопасность граждан, но и соблюдение их конституционных прав.

Следует также отметить, что отдельный объем исследований, дополняющий контекст культурно-правовой проблематики, посвящен вопросам дисфункции основных институтов, регламентирующих систему правоотношений гражданина и общества. Одним из наиболее ярких примеров данной дисфункциональности явился факт, приведенный Президентом РФ В.В. Путиным в послании Федеральному Собранию в 2016 году. Характеризуя состояние отношений власти и бизнеса, глава государства привел пример о том, что из более 200000 уголовных дел, возбужденных в отношении представителей бизнеса, лишь 15% закончились обвинительными приговорами. В то же время им было отмечено, что в результате данных действий бизнес был разрушен у 80% предпринимателей. У общества возник закономерный вопрос об ответственности должностных лиц, допустивших данный правовой произвол. Ведь за каждым уголовным делом стоит не только фамилия следователя, возбуждавшего и расследовавшего данные дела, но и целая иерархия руководителей, включая и надзирающие органы, в чьи обязанности непосредственно входит контроль за соблюдением законности. Данный факт, бесспорно, подрывает доверие населения не только к правоохранительным и властным органам государства, но и к самой правовой системе, явно дающей сбой и не отвечающей требованиям современной российской реальности.

Не вызывает сомнения и то, что неуверенность граждан в своей защищенности от правового произвола разрушает систему культурно-правовых ценностей, обеспечивающих, в свою

очередь, соответствующую модель поведения.

Вместе с тем, отмечая, что актуальность обозначенной проблематики в современном обществе демонстрирует регулярное возрастание, следует констатировать, что вопрос влияния культурной маргинальности на развитие девиантных и делинквентных практик в среде молодых граждан России, последствия трансформации доминирующей культуры и массовое развитие субкультурных течений в современной отечественной науке всесторонне не изучен.

В то же время именно «крушение» идеологии в целом, и в частности – идеологической составляющей культуры, возрастание интереса к различным субкультурным течениям в первые два десятилетия текущего столетия, на наш взгляд, предопределили не только развитие асоциальных и преступных практик в среде российской молодежи, но и возникновение новых форм противоправного поведения.

Известный российский исследователь, профессор Ю.Г. Волков также разделяет точку зрения о ключевой роли деидеологизации в процессе трансформации основных культурных ценностей. В своей работе «Идеологическая сфера российского общества и развитие российской государственности» он отмечает: «С деидеологизацией в российском обществе связывается проблемная ситуация социальной дезинтеграции, слабости и неаттрактивности базовых социальных ценностей, которые, являясь интегральными по направленности и характеру воздействия, включены в различные сферы общественной жизни, координируя деятельность субъектов общественно-политических отношений» [6; 27].

А.И. Кузнецов в одной из своих работ также дает аналогичную оценку ситуации, связанной с транзитивными процессами в российском

обществе. Он пишет: «Следует еще раз отметить, что радикальные преобразования, произошедшие в нашей стране в конце прошлого века, нарушили привычные механизмы поведения: разрушены стереотипы и схемы поведенческих моделей, сложившиеся традиции и нормы, ранее существовавшие в обществе» [7; 69].

По нашему мнению, именно деидеологизация традиционной российской культуры во многом либо обусловила возникновение новых субкультурных течений, либо способствовала активизации уже существовавших, но в силу патерналистского положения базовой культуры находящихся в «забвении». Именно эти субкультуры со своей устойчивой системой ценностей и традиций, в свою очередь, активно способствовали легитимации в общественном сознании молодежи тех или иных противоправных проявлений, обусловленных их определенным идеологическим содержанием.

На значимости субкультурных течений в процессе развития тех или иных отклонений в системе ценностных ориентаций молодого поколения акцентируют внимание известные современные исследователи. Так, А.Л. Маршак, главный научный сотрудник Института социологии РАН, в своей работе «Провокация как форма проявления экстремизма в культуре» пишет: «Нужно учитывать наличие определенного числа так называемых субкультур, которые чрезвычайно подвижны, могут быстро возникать и также быстро исчезать. Но не учитывать их нельзя, поскольку они дают представление о полноте поликультурного развития российского общества, способствуют, наряду с основными течениями в культуре, проявлению позитивного и негативного содержания в социокультурной сущности России» [8; 11].

Вместе с тем, рассматривая теоретические особенности данной

проблемы, изучая ее основные категориальные понятия, следует, на наш взгляд, особенно остановиться на понятии «культурные потребности», так как именно они во многом обуславливают восприятие той или иной системы ценностей, продуцирующейся, в свою очередь, на конкретную модель поведения.

Известные российские ученые Ю.А. Жданов и В.Е. Давидович в своей работе «Сущность культуры» дают следующую характеристику понятию «культурные потребности»: «Понятие «культурные потребности» направлено главным образом на раскрытие процессов создания, освоения и потребления ценностей культуры. Культурные потребности динамичны, способны проявляться в опредмеченных и индивидуализированных продуктах духовного и материального производства» [9; 234].

Кандидат философских наук Л.В. Баранова, характеризуя культурные потребности современной российской молодежи, в одной из своих работ отмечает: «В структуре культурных ценностей молодежи происходят перманентные изменения. Прежде всего, они становятся более динамичными, активно и последовательно реагируют на интеллектуализацию общественных отношений, на изменения в быте и общекультурном уровне жизни. Объективной отличительной чертой культурных потребностей молодежи является ориентация на творческие виды деятельности в процессе труда и досуга, приоритет познавательного интереса, высоких нравственных качеств личности. Однако это реально не исключает негативных тенденций, противоречащих задачам культурного развития молодежи и содержанию ее культуры» [10; 35].

Как известно, в качестве наиболее распространенной субкультурной структуры, которая оказывает непосредственное влияние на процесс развития асоциальных

ценностей и традиций, а также их эскалации в массовое сознание молодежи, признают так называемую криминальную субкультуру, возникшую в условиях пенитенциарной системы и представляющую собой своеобразную идеологическую парадигму преступного мира.

Р.Ю. Александров, исследовавший идеологическую составляющую криминальной культуры, отмечает: «Воровской закон – это не закон в полном смысле слова. Это совокупность нравственных принципов. В этом смысле воровской закон противостоит праву. Он, вероятно, и возникает как оппозиция праву, возникает в тех условиях, когда право формализуется и вступает в противоречие с нравственными принципами» [11; 181].

Безусловно, традиции криминальной субкультуры имеют значительную историю собственного формирования и развития. Данная культура являлась неотъемлемой составляющей уголовной среды, как в дореволюционной Российской империи, так и в ее советской и постсоветской истории. Однако различные представители гуманитарной науки (В.А. Олишкевич, В.Ф. Пирожков, А.А. Федосеева, и др.), анализируя последствия социальной транзитивности российского государства на рубеже 20-21 веков, отмечают, что данный переходный период активно способствовал усилению процесса транслирования криминальных ценностей не только в общую доминирующую культуру, но и в массовое сознание большого количества граждан.

Значительный объем песенного и художественного творчества активно пропагандировал идейно-ценностное содержание преступного мира. Так, например, «уголовный шансон» презентовал себя как самостоятельный жанр творческой деятельности. Литературные произведения и кинематографические сюжеты транслировали «уголовную

романтику» и содержащиеся в ней художественные образы.

Необходимо отметить, что данный период истории характеризовался воспроизводством и иных субкультурных течений («Инди», «Ультрас», «Fruits» субкультура, «Падонки» и другие)¹. Возникновение в среде молодежи таких движений, как, например, «ультрас» или «фан-движения», способствовало появлению новых видов правонарушений против общественного порядка и безопасности.

Специфичной особенностью данной проблемы является массовость и организованность при совершении тех или иных деликтов. Данное поведение внутри самих групп «фанов» легитимируется идеологическим содержанием их субкультуры, пропагандирующей в качестве основной цели поддержку спортивной команды любыми средствами, включая и средства правонарушения.

В современной гуманитарной науке довольно отчетливо прослеживается интерес исследователей к проблеме развития криминальных практик в рамках различных субкультурных полей. Так, Е.О. Кубякин в своей научной статье «Криминализация молодежной культуры в условиях современного информационного общества» дает следующие

¹ Инди – молодежная субкультура, пропагандирующая свою независимость от высокой моды, потребностей людей. Главным для стиля «инди» считается самовыражение, творческая независимость

Ультрас – организованные группы поддержки спортивных команд.

«Fruits» – субкультура, избравшая определенный стиль одежды, сочетающий яркие цвета одежды, причёски, пирсинг и т.д.

Падонки – субкультура интернет-сообщества. Ее особенность – использование нового языка, с точки зрения классической орфографии и стилистики, изобилующего ошибками.

характеристики молодежной культуре: «Как известно, характерной чертой молодежной культуры является категоричность суждений, максимализм, непринятие советов окружающих, их нередко тяготит подчинение существующим моделям общественного развития, нормативно-регламентированной повседневной жизни. Указанная тенденция развития молодежной культуры косвенно способствует росту влияния криминальных установок и криминального мировоззрения» [12; 22].

Ю.А. Зубок, заведующая отделом молодежи Института социально-политических исследований РАН, отмечает: «Маргинальность положения, в свою очередь, затрудняет идентификации, а наиболее комфортное для молодых людей социальное окружение нередко характеризуется контркультурной направленностью, усиливая противостояние «своих» и «чужих». Таким образом, процесс становления молодежи сопровождается формированием особого экстремального типа сознания. На разных его полюсах представлены как фанатизм, связанный с гиперболизацией целей, упорством в их достижении, так и нигилизм, выраженный в тотальном отрицании, эскапизме и ритуализме молодежи. Такой тип сознания проявляется в специфических формах поведения, характеризующихся импульсивностью мотивации, склонностью к риску, эпатажем, агрессивностью, отклонениями от принятых норм, депрессией и самоотчуждением. В ходе внутригрупповых и межгрупповых взаимодействий молодежь обменивается знаниями и представлениями, изменяя свое восприятие реальности и фактически выступая субъектом конструирования образа реальности» [13; 79].

Следует особо отметить, что молодежная субкультура сегодня предпринимает активные попытки легитимировать потребление так

называемых «легких наркотиков», относя их к элементам досуга и пропагандируя их безвредность и безопасность.

Так, по данным эмпирических исследований, проводимых учеными Адыгейского государственного университета с участием автора в

2015 году, на вопрос: «Как Вы оцениваете влияние «легких наркотиков» на здоровье человека?», 22% из 400 респондентов в возрасте от 15 до 22 лет ответили, что вред минимальный. 12% считают, что употребление легких наркотических средств вполне безопасно (рис. 1).

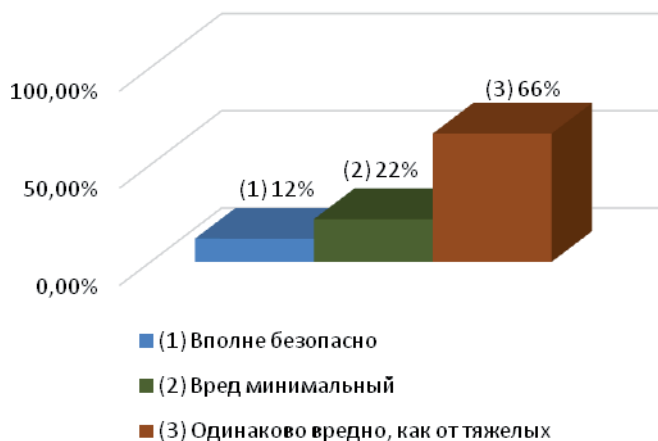

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете влияние «легких наркотиков» на здоровье человека?»

Таким образом, каждый третий молодой человек не видит никакой опасности в употреблении наркотических веществ, относящихся к категории «легких наркотиков».

На данном фоне особую обеспокоенность общества вызывает то обстоятельство, что молодежь в своем большинстве не осуждает тех своих сверстников, которые пристрастились к наркотикам

различной этиологии. Так, в результате упомянутого выше исследования установлено, что на вопрос: «Знакомы ли Вам люди, употребляющие наркотические вещества?», молодые люди дали ответ, что в их кругу такие люди есть (31% опрошенных), а 17% респондентов ответили, что знают достаточно много таких людей (рис. 2).

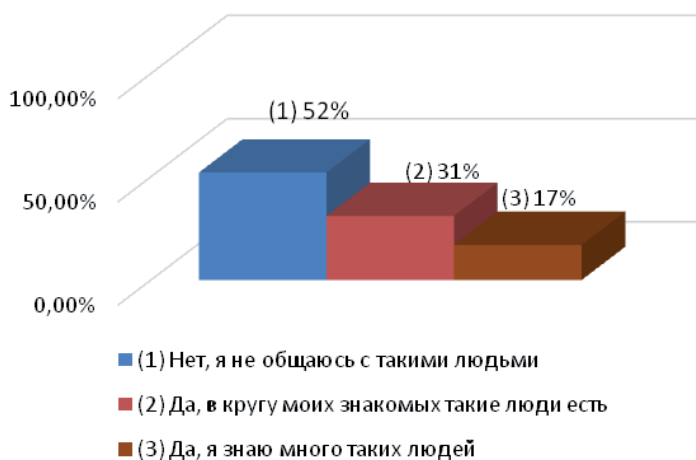

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Знакомы ли Вам люди, употребляющие наркотические вещества?»

На поставленный вопрос: «Какое отношение вызывают у Вас сверстники, потребляющие наркотики?», 42% респондентов назвали чувство

жалости, 35% – презрение, 20% – удивление, 5% ответили, что лица, потребляющие наркотики, вызывают у них чувство ненависти (рис. 3).

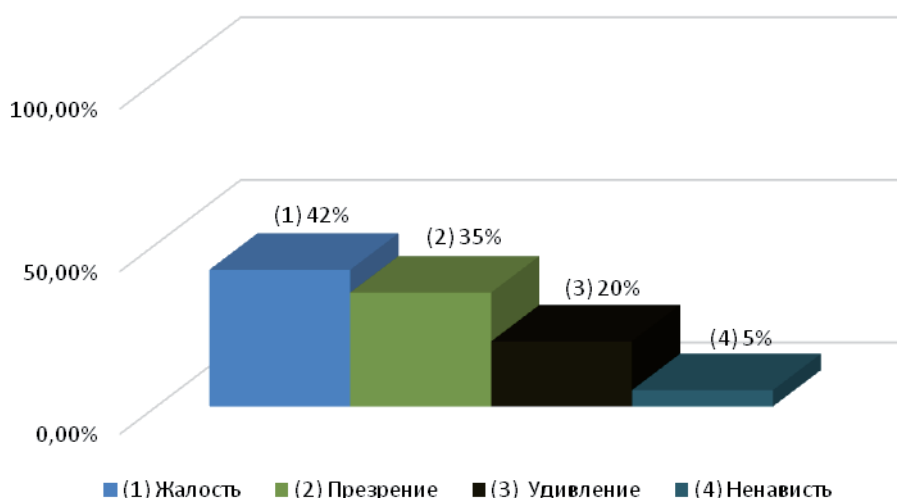

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какое отношение вызывают у Вас сверстники, потребляющие наркотики?»

Данные, приведенные выше, а также ряд других исследований, демонстрируют, что в менталитете молодых россиян не вызывают отторжения факты потребления наркотических средств. Проведенные нами исследования показывают наличие определенного внимания к настоящей зависимости.

Неподдельный интерес исследователей вызывает проблема влияния на формирование правового поведения молодежи ее массового увлечения современными интернет-коммуникациями. Данная коммуникативная система, представляющая собой в современной социокультурной реальности наиболее влиятельный механизм социализирующего воздействия, бесспорно, содержит в себе криминогенный потенциал. На основе данного увлечения актуализировалась тенденция массового вовлечения молодых граждан в преступную деятельность в сфере компьютерных технологий. Широкое распространение получили так называемые хакерские движения, обусловившие новые виды преступных деликтов.

Некоторыми учеными отмечается и иная опасность, содержащаяся во внедрении в современную систему ценностей молодежи категорий, формируемых в процессе чрезмерного увлечения интернет-ресурсами и информатизационными технологиями. Так, Р.С. Балаев в работе «Ценностный конфликт как фактор рисков и угроз экзистенциальной безопасности личности в информационном обществе» отмечает: «Сетевая коммуникация обостряет проблему экзистенциальной безопасности личности и в то же время решает ее специфическим способом. В поисках средств защиты от психоэмоционального напряжения, дискомфорта и стресса люди все чаще прибегают к стратегиям адекватного поведения» [14; 105].

Следует обозначить тот факт, что исследования специфики взаимовлияния социокультурных факторов и процессов нарастания угроз и рисков в молодежной среде современной России свидетельствуют о тесной взаимосвязи данной предметной проблематики с теоретическими и практическими аспектами

не только социологической мысли, но и педагогической науки, психологии и криминологии.

Современная позиция социологической науки, сформированная, в том числе, под влиянием трансформационных процессов в российской культуре, и сегодня демонстрирует связь с происходящими в социуме общественно-политическими и социально-экономическими событиями. Следует также отметить, что данные преобразования оказали существенное влияние на развитие основных направлений, теоретические и методологические основания современной социологической науки.

Результаты исследования могут находить применение в вузовской подготовке студентов в ходе преподавания предметов: «Социология», «Криминология», специальных курсов «Социология культуры»,

«Социология молодежи», «Девиантология», «Социальная педагогика».

Таким образом, вполне обоснованно можно утверждать, что репродукция новых видов субкультур молодежи, вызванная значительным ослаблением доминирующей культурной доктрины российского социума, спровоцировала их конфликт не только с социокультурными устоями и традициями, но и конкретными правовыми нормами, продуцируя, таким образом, новые виды противоправного поведения.

Осуществление социологических исследований в данной предметной области имеет и существенное практическое значение. Они позволили определить основные факторы, обуславливающие дисфункциональность целого спектра социализирующих механизмов в общегосударственной политике воспитания молодежи.

Примечания:

1. Михайлов А.П. Альтернативные стратегии ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей: социокультурный анализ: монография. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2006.

2. Котляров В.А., Михайлов А.П. Правовое поведение молодежи как предмет социологического анализа // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2012. Вып. 1. С. 137-144.

3. Михайлов А.П. Культурная маргинальность как фактор развития преступного поведения молодежи // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2015. Вып. 3. С. 150-154.

4. Парсонс Т. Система современных сообществ. М., 2004.

5. Хрущев В.В. Девиации поведения в социологической исследовательской парадигме // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2015. Вып. 4 (167).

6. Волков Ю.Г. Идеологическая сфера российского общества и развитие российской государственности. Социально-культурная консолидация в условиях модернизации современной России: материалы всерос. науч.-практ. конф., 12-14 марта 2013 г., Майкоп. Москва; Майкоп; Ростов н/Д, 2013.

7. Кузнецов А.И. Социокультурный статус сотрудника органов внутренних дел сквозь призму российской ментальности. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2010.

8. Маршак А.Л. Провокация как форма проявления экстремизма в культуре. Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политические аспекты: материалы Второй Всерос. науч.-практ. конф., 6 ноября 2015 г. Краснодар, 2015.

9. Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры. Ростов н/Д, 2005.

10. Баранова Л.В. Культурные потребности молодежи. Ставрополь – город межэтнического согласия и межконфессионального диалога: сб. науч. ст. Ставрополь, 2016.

11. Кубякин Е.О. Криминализация молодежной культуры в условиях современного информационного общества // Общество и право. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД РФ. 2010. Вып. № 2 (29).

12. Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм в изменяющейся социальной реальности. Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политические аспекты: материалы Второй Всерос. науч.-практ. конф., 6 ноября 2015 г. Краснодар, 2015.

13. Александров Р.Ю. Социально-философские аспекты развития молодежной субкультуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 5. С. 77-81.

14. Балаев Р.С. Ценностный конфликт как фактор рисков и угроз экзистенциальной безопасности личности в информационном обществе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2014. Вып. 4 (148). С. 103-106.

References:

1. Mikhailov A.P. Alternative strategies for the re-socialization of juvenile offenders: a socio-cultural analysis. A monograph. Rostov-on-Don: Publishing house of Rostov University, 2006.

2. Kotlyarov V.A., Mikhailov A.P. Legal behavior of young people as a subject of sociological analysis // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 1: Ser. Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies. 2012. No.1. P. 137-144.

3. Mikhailov A.P. Cultural marginality as a factor of the development of criminal behavior of young people // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 1: Ser. Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies. 2015. No. 3. P. 150-154.

4. Parsons T. The system of modern communities. M., 2004.

5. Khrushchyov V.V. Deviations of behavior in the sociological research paradigm // Bulletin of the Adyghe State University. Iss. 4 (167). Maikop, 2015.

6. Volkov Yu.G. The ideological sphere of the Russian society and the development of Russian statehood. Socio-cultural consolidation in the conditions of modernization of contemporary Russia. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (March 12-14, 2013 Maikop.) Moscow – Maikop – Rostov-on-Don: 2013.

7. Kuznetsov A.I. Sociocultural status of an employee of the internal affairs agencies through the prism of the Russian mentality. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010.

8. Marshak A.L. Provocation as a form of manifestation of extremism in culture. Counteraction to extremism and terrorism: philosophical, sociological and political aspects. Materials of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference (November 6, 2015) Krasnodar, 2015.

9. Zhdanov Yu.A., Davidovich V.E. The essence of culture. Rostov-on-Don, 2005.

10. Baranova L.V. Cultural needs of youth. Stavropol is a city of interethnic harmony and interfaith dialogue. Collection of scientific articles. Stavropol, 2016.

11. Kubyakin E.O. Criminalization of youth culture in the modern information society. Society and law. Iss. 2 (29). Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Krasnodar. 2010.

12. Zubok Yu.A. Youth extremism in a changing social reality. Counteraction to extremism and terrorism: philosophical, sociological and political aspects.

Materials of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference (November 6, 2015) Krasnodar, 2015.

13. Aleksandrov R. Yu. Socio-philosophical aspects of the development of youth subculture. Humanitarian and socio-economic sciences. 2008. No. 5. P. 77-81.

14. Balaev R.S. Value conflict as a factor of risks and threats to the existential security of the individual in the information society // Bulletin of the Adyghe State University. Iss. 4 (148). Maikop, 2014.